ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 23 Понедѣльникъ, 27 іюня (10 іюля) 1905 г. № 23

Воспоминанія и мемуары.

Нарушители и охранители общественнаго спокойствія.—Ссылка, каторга, тюрьма, плети.—Ябедникъ, доноситель и полицейская безпорочность.—Законъ и мѣстныя обстоятельства. — Жандармскій либералъ.—Мужъ совѣта, доблести и разума государственнаго.—Во имя чего?—На пути реформъ.

I.

Въ „Русской Старинѣ" приведенъ безъ всякихъ комментаріевъ интересный документъ. Одинъ изъ тысячъ тѣхъ „документовъ", на сочиненіе которыхъ уходили всѣ „творческія" силы нашей бюрократіи, и гдѣ съ особенной мощью выражался ея „геній"—охранитель общественнаго спокойствія.

Спокойствіе въ Сибири на этотъ разъ нарушилъ „поселенецъ изъ государственныхъ преступниковъ" Ипполитъ Завалишинъ.

Братъ извѣстнаго Александра Завалишина—участника декабрьскихъ дней, Ипполитъ, игралъ далеко не пассивную роль среди декабристовъ. За „свои предосудительные проступки" онъ былъ разжалованъ изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища въ рядовые и отправленъ въ оренбургскій корпусъ.

Здѣсь, собственно, и начинаются мытарства Завалишина. За участіе и главенство въ новомъ, образовавшемся послѣ декабрьскихъ событій, тайномъ обществѣ Завалишина ждали лишеніе дворянства, ссылка въ Сибирь, каторга.

Пятнадцать лѣтъ каторги не подѣйствовали на исправленіе строптиваго каторжанина.

Передъ самымъ почти концомъ срока работъ и переводомъ въ разрядъ поселенцевъ онъ „нагрубилъ" горному офицеру и былъ, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, „употребленъ" на тяжелую работу въ продолженіе одного мѣсяца. Переведенный затѣмъ на поселеніе, за дерзость городничему, подвергся тѣлесному наказанію. Словомъ, вся жизнь его была наказаніемъ: ссылка, каторга, тюрьма плети...

Но онъ не унимался, досаждая на каждомъ шагу сибирской администраціи.

Ипполитъ Завалишинъ не давалъ ей покоя. Онъ спеціально занялся, по отзывамъ высшей сибирской администраціи, сочиненіемъ отъ себя и другихъ лицъ доносовъ и жалобъ на дѣйствія мѣстныхъ властей, сѣялъ духъ ябеды и клеветы среди сибирскихъ приказныхъ.

Кромѣ того, живя въ Курганѣ, Завалишинъ гласно о с м ѣ л и в а л с я порицать дѣйствія полиціи.

Продажность, лживость дореформенной сибирской администраціи не знали предѣловъ. Тѣмъ не менѣе, протестующій голосъ поселенца сочли проявленіемъ характера „дерзкаго, безпокойнаго и необузданнаго".

Насколько былъ правъ Завалишинъ въ сути своихъ „доносовъ и ябедъ" на мѣстную администрацію,—достаточно заглянуть въ воспоминанія покойнаго Арцимовича, начавшаго въ Сибири свою службу.

II.

Для исправленія, Ипполита Завалишина заключили въ тюремный замокъ. Но и острогъ не искоренилъ въ немъ „духа ябедничества"



Депутація земскихъ и городскихъ дѣятелей, принятая 6-го іюня въ Петергофскомъ дворцѣ.
Въ 1-мъ ряду: баронъ П. Л. Корфъ, графъ П. А. Гейденъ, И. И. Петрункевичъ, М. П. Федоровъ, А. Н. Никитинъ.
Во 2-мъ ряду (стоятъ): Н. Н. Львовъ, Ф. И. Родичевъ, князь Г. Е. Львовъ, Ѳ. А. Головинъ, Н. Н. Ковалевскій, князь П. Д. Долгоруковъ, князь С. Н. Трубецкой, Ю. Д. Новосильцевъ, князь Д. И. Шаховской.

Такъ плотно уже внѣдрился онъ въ человѣка, что ни употребленіе на тяжелую работу, ни розги (за дерзость противъ городничаго), ничто не помогало. Онъ продолжалъ громить и обличать. Онъ требовалъ надъ собою слѣдствія и суда, въ то время какъ его противники всячески избѣгали такого исхода, и выступалъ съ новыми обличеніями. Ему предлагали милость за молчаніе,—онъ требовалъ правды и, во имя ея, громилъ своихъ враговъ.

Брошенный въ тюрьму, онъ писалъ съ прежней необузданностью: „Стыдно правительству закрывать глаза предъ очевидностью зла, не видѣть, что язва лихоимства заразила всѣ степени службы, что неправда зыблетъ небеса, что законъ безсиленъ, что деньги—Богъ всего, и что все позволительно въ Россіи тому, кто откупиться можетъ! Стыдно правительству допускать преслѣдовать человѣка, который, для общаго блага, говоритъ правду и вѣруетъ въ совѣсть больше, нежели въ золотого тельца! Не молчать теперь надо, когда ропотъ народа возстаетъ явно, когда чиновники распинаютъ ежедневно мужика и мѣщанина на крестѣ взяточничества, когда всѣ и всѣми недовольны. Я прошу не дворянства 26-го августа *), не солнца родины, не наградъ и поощреній, прошу одной милости: позволить мнѣ написать правду не дѣла моего личнаго (это не стоитъ вниманія!), а дѣла настоящаго общаго зла, которое погубитъ всѣхъ насъ".

Что же отвѣтила бюрократія на этотъ страстный, писанный кровью протестъ? Ничего или почти ничего. Подшили къ дѣлу и признали новыми ябедами. Генералъ Госфордъ—начальникъ губерніи,—при благонамѣренномъ участіи своихъ подчиненныхъ, нашелъ, что въ Сибири и такъ находится много злонамѣренныхъ ябедниковъ, подобныхъ Завалишину, и если по ихъ просьбамъ назначать особыя комиссіи, то должно будетъ употребить большую часть чиновниковъ „только на одно это, безъ всякой пользы для правительства".

И это говорилось безъ всякаго стѣсненія ставленникомъ правительства — правительства, желавшаго начать новый курсъ новой жизни.

Никакой апелляціи не полагалось. Приходилось искать иныхъ путей.

Сестра Завалишина обратилась съ просьбой объ облегченіи участи брата къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ.

Дѣлу былъ данъ ходъ. Затребовали въ Петербургъ судебный приговоръ о преступникѣ.

По мнѣнію суда, по законамъ слѣдовало бы примѣнить къ Завалишину высшую мѣру наказанія: подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ и тѣлесному наказанію.

Судъ не поскупился на краски. Завалишинъ былъ представленъ буяномъ и пьяницей, воромъ и лихоимцемъ, продерзкимъ ябедникомъ.

Сибирь била протестанта тѣмъ же орудіемъ. Администрація обвиняла „преступника" именно въ томъ, въ чемъ онъ обличалъ ее.

Крайне любопытно приложенное къ дѣлу „соображеніе". Десница „соображавшаго" почитала „рѣшеніе тобольскаго окружного суда совершенно согласно съ законами". Шуйца оправдывала мнѣніе генералъ-губернатора Западной Сибири, находя послѣднее съ приказной точки зрѣнія согласнымъ „съ мѣстными обстоятельствами".

Законъ и мѣстныя обстоятельства стремилась примирить приказная рука, всепреданнѣйшаго служаки. И вполнѣ понятно: воля генералъ-губернатора была сама по себѣ закономъ, и другихъ законовъ Сибирь не признавала.

III.

Записки П. Г. Залѣсова переносятъ насъ къ тѣмъ же нравамъ бюрократической среды.

Военный министръ Д. А. Милютинъ съ трудомъ проводилъ реформу о всесословной воинской повинности. Подъ покровомъ реформы русскіе патріоты обдѣлывали свои дѣла. На Милютина поднималась травля. Душою интриги былъ шефъ жандармовъ Шуваловъ. Интрига велась тонко.

Во главѣ интригующей партіи былъ поставленъ фельдмаршалъ Барятинскій, вызванный по случаю изданія законовъ о воинской повинности для совѣтовъ въ Петербургъ, но конечно, душою интриги былъ шефъ. Не ограничиваясь Барятинскимъ, Шуваловы находились тогда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и къ германскому посланнику, принцу Рейсу, какъ извѣстно, имѣвшему значительное вліяніе на государя и дѣйствовавшему именемъ императора Вильгельма. „Въ сущности же говоря, вся эта партія, сама, можетъ быть, того не сознавая, работала по дудкѣ Бисмарка, боявшагося развитія военныхъ силъ Россіи и національнаго направленія ея политики. За свои услуги въ такомъ дѣлѣ Шуваловъ (шефъ) пользовался огромнымъ расположеніемъ Бисмарка, а черезъ него и императора Вильгельма, что, въ свою очередь, сильно поддерживало положеніе его при государѣ, т. е. было совершенно на руку тому же Бисмарку".

„Свалить" Милютина было цѣлью этихъ гешефтмахерствующихъ подъ видомъ патріотовъ дѣльцовъ. Милютинъ былъ слишкомъ необычной фигурой на общемъ фонѣ бездарныхъ пошляковъ и гаеровъ.

Мѣста, до губернаторскихъ включительно, раздавались по волѣ всемогущей протекціи. Умъ, способности, знанія все это было балластомъ.

Процвѣтали Шуваловы, Тимашевы, Маковы и Валуевы. Система непотизма и протекціи, подтачивая сама себя, была въ полномъ расцвѣтѣ. „Обновленная Россія" въ этомъ смыслѣ ушла недалеко отъ старой.

„Чинъ чина почитай"—было общимъ девизомъ. Секретныя и тайныя дѣйствія были въ полномъ ходу, но тайны болѣе походили на секреты полишинеля. Даже такіе важные секреты, какъ военные планы дѣлались, благодаря „простотѣ" однихъ, „услужливости", довѣрчивости и болтливости другихъ, общеизвѣстными.

Вотъ разсказъ Залѣсова о томъ, какъ въ Вильнѣ узнавалось большинство секретовъ главной квартиры.

„Телеграфное управленіе въ Вильнѣ считало своимъ долгомъ всѣ нешифрованныя телеграммы, идущія изъ армій въ Петербургъ, принимать на свою ленту и изъ угодливости подносить ихъ генералъ-губернатору. А какъ рѣдкій день проходилъ, чтобы главнокомандующій не посылалъ телеграммъ Ч—ой, въ которыхъ зачастую излагалъ съ свойственной ему откровенностью и свои военные планы, то, благодаря этому, Альбединскій (генералъ-губернаторъ) зналъ заранѣе о нападеніяхъ на Плевну, печальномъ положеніи арміи и даже зимнемъ походѣ на Балканы, и по личному ко мнѣ довѣрію, свѣдѣнія эти передавалъ мнѣ, горюя о такой простоватости, которая, конечно, доходила до свѣдѣнія нашихъ враговъ".

IV.

Герой позорнаго берлинскаго трактата, „жандармскій либералъ" и другъ Бисмарка, гр. Шуваловъ одно время былъ всемогущимъ фаворитомъ. Онъ началъ съ должности шефа жандармовъ и упрочилъ окончательно свое вліяніе, посадивъ на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ „безголоваго Тимашева, а юстиціи гр. Палена, и державъ рукахъ генералъ-губернаторовъ, онъ сталъ громадною силою въ Россіи. Доведя до самаго тонкаго совершенства запугиваніе добраго императора красными призраками революціи и возможностію повторенія исторіи Каракозова, Шуваловъ достигъ того, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ едва-ли чье-либо назначеніе на высшія должности послѣдовало безъ предварительной его, Шувалова, аттестаціи. И надо удивляться, какъ въ эту пору сумѣли сохранить нѣкоторую долю самостоятельности даже такіе министры, какъ Милютинъ и Горчаковъ".

Въ характеристикѣ Шувалова Залѣсовымъ есть много сгущенныхъ красокъ. Авторъ пишетъ бывшему „государственному мужу" цѣлый обвинительный актъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ государственной мудрости Шувалова подъ перомъ Залѣсова. Дѣло идетъ о началѣ войны 1877—1878 г.г.

Шувалова передъ войной уже не было въ Петербургѣ, и въ то время, когда Швейницъ, Вернеръ и другіе ловко натравливали государя на Турцію, „онъ не менѣе полезно для Бисмарка работалъ въ Лондонѣ, сдерживая Дизраэли и Салисбюри, могшихъ своей неумѣренной горячностью испортить все дѣло, т. е. удержать государя отъ войны. Какими пріемами и обѣщаніями онъ умиротворялъ тогда англійскихъ государственныхъ людей, показали послѣдствія, когда мы, побѣдоносно дойдя до воротъ беззащитнаго Константинополя, не осмѣлились войти туда, а затѣмъ подписали, какъ виноватые, злосчастный берлинскій трактатъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ войны, я слышалъ, какъ вел. кн. Николай Николаевичъ едва не со слезами говорилъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ понять, какимъ образомъ не дошла до него въ свое время телеграмма государя, сдѣлавшаяся тотчасъ извѣстной въ Лондонѣ, съ приказаніемъ занять Константинополь, что потомъ было отмѣнено. Ни одинъ генералъ-губернаторъ, являясь въ Петербургъ, не рѣшался представиться государю, не побывавъ предварительно у Шувалова и не выслушавъ его взглядовъ или наставленій. Даже публика, особенно служащіе въ разныхъ министерствахъ, произносили фамилію его не иначе, какъ шепотомъ. Всѣ, кто почему-либо были недовольны своимъ министерствомъ или начальствомъ или, наконецъ, семейною жизнью, всѣ обращались съ просьбами къ Шувалову, какъ высшему и окончательному рѣшителю судебъ. Такъ и Черняевъ, разссорившись съ Д. А. Милютинымъ, счелъ возможнымъ обратиться къ тому же Шувалову съ жалобою, и его жалобы были доложены государю.

V.

Залѣсовъ рисуетъ Шувалова злымъ геніемъ Россіи. Появленіе его у кормила правленія совпало съ остановкой реформаторской дѣятельности Александра II. Все сошло на „полный произволъ шефа жандармовъ—человѣка, пренебрегавшаго всѣмъ національнымъ, преклонявшагося передъ всѣми иностранными авторитетами и въ то же время старавшагося передъ публикою (ссылаюсь на всѣхъ просителей, массою тогда валившихъ къ Шувалову) показать себя человѣкомъ въ высшей степени либеральнымъ, прогрессивнымъ. Государя этотъ же Шуваловъ

---

*) Манифестъ 26-го августа 1856 года, по случаю коронованія Александра II, несъ забвеніе прошлому для декабристовъ; это забвеніе не коснулось только Ип. Завалишина и Выгодовскаго.

запугивалъ и отстранялъ отъ народа и въ то же время во всемъ другомъ дѣйствовалъ въ чисто личныхъ цѣляхъ, завершивъ свою государственную дѣятельность постыднымъ, окончательно уронившимъ достоинство государя, берлинскимъ трактатомъ. Безпристрастная исторія въ свое время раскроетъ вполнѣ и оцѣнитъ всю систему дѣйствій этого фаворита, и, конечно, не малая доля вины за катастрофу 1-го марта 1881 г. должна пасть на его голову.

Когда наступитъ время для такой безпристрастной исторіи? Русская исторія вообще не торопится... развѣнчивать „героевъ" увѣнчаннымъ мишурными лаврами.

Во всякомъ случаѣ, глиняные божки съ ихъ двухаршинными пьедестальчиками не устоятъ предъ свѣтомъ истины и правды, который, увы, до сихъ поръ озаряетъ только области давно-давно изжитого... За четверть вѣка назадъ русскій историкъ еще не дерзаетъ бросить своего объективнаго взгляда и начертить яркую картину того, что было, но еще до сихъ поръ не поросло быльемъ...

Ник. Носковъ.



Возстаніе арабовъ.

Извѣстный французскій путешественникъ, Жервэ-Куртельмонъ, обратился къ редактору газеты „Temps" съ письмомъ, въ которомъ удостовѣряетъ, что за послѣднія двѣнадцать лѣтъ среди арабовъ возникло сильное движеніе противъ турецкаго ига.

„Эта ненависть къ туркамъ, — пишетъ г. Жервэ,—отмѣченная мною въ печати еще въ 1894 г., повидимому, достигла въ настоящее время высшей степени напряженія не только въ южныхъ и центральныхъ провинціяхъ Аравіи, но также въ Месопотаміи и Сиріи".

Въ Іеменѣ,—по словамъ того же автора,—длится уже около пятнадцати лѣтъ инсуррекціонное броженіе. Турецкія войска посылаемыя для подавленія возстанія, оказываются безсильными. Повстанцы быстро приближаются къ Ассиру и Геджасу. Судя по всѣмъ признакамъ, они не замедлятъ овладѣть и Меккою, гдѣ владычество турокъ ненавидимо болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Вожди національной арабской партіи заявляютъ, что имъ удалось заключить соглашеніе съ комитетами, стремящимися къ независимости арабовъ въ Сиріи и Палестинѣ; столь же тѣсное единеніе установлено между арабами и націальными сепаративными комитетами армянъ, курдовъ, албанцевъ, болгаръ, сербовъ и грековъ.

Заговоръ этотъ стремится къ низверженію Оттоманской имперіи и къ замѣнѣ ея федеративнымъ союзомъ мелкихъ европейскихъ и азіатскихъ государствъ, организованныхъ соотвѣтственно этнографическому распредѣленію преобладающихъ народностей. Главная же практическая дѣятельность тайныхъ комитетовъ направлена къ пропагандѣ среди войскъ арабскаго происхожденія, составляющихъ, по количеству и по качеству, самый значительный элементъ турецкой арміи. Дамасскій и багдадскій армейскіе корпусы состоятъ преимущественно изъ арабовъ, т. е. изъ тѣхъ самыхъ войскъ, которыя прославились своимъ геройскимъ сопротивленіемъ во время русско-турецкой войны подъ Плевною.

Тактика заговорщиковъ оказалась вполнѣ успѣшною въ Іеменѣ. Арабскіе полки, присланные изъ Сиріи и Месопотаміи, не только отказались повиноваться турецкимъ офицерамъ, когда ихъ заставили сражаться противъ возставшихъ родственныхъ племенъ, но и сами перешли на сторону инсургентовъ.

Событія столь существеннаго характера могутъ вызвать послѣдствія, затрогивающія интересы Германіи, Франціи, Англіи и Россіи.

Народы арабскаго происхожденія въ теченіе шестидесяти вѣковъ своей исторіи, не разъ бывали вынуждены подчиняться волѣ разныхъ завоевателей, въ культурномъ отношеніи стоявшихъ гораздо ниже ихъ.

Претерпѣвъ владычество Вавилона, Ниневіи, ассиріянъ, нашествія мидянъ, персовъ и грековъ, арабы, ко времени возникновенія ислама, сохранили достаточно жизненности, чтобы возродить блестящую цивилизацію въ Багдадѣ, въ самомъ сердцѣ древняго вавилонскаго царства.

Благодаря ихъ посредству, греческая культура сохранилась и дошла до насъ почти въ первобытномъ видѣ.

Но съ четырнадцатаго вѣка злополучная страна перестала жить культурною жизнью. Послѣ разрушенія пышной столицы калифовъ и опустошенія всей Месопотаміи монгольскими ордами, настала эпоха полнаго упадка. Ненавистное арабамъ турецкое владычество препятствовало возрожденію ихъ до нынѣшняго времени.

Арабы, гордящіеся своимъ древнимъ происхожденіемъ и славнымъ прошлымъ, какъ нельзя лучше сознаютъ нравственное убожество своихъ притѣснителей. Турецкій режимъ представляется имъ достойнымъ всяческаго презрѣнія,—такъ какъ обмѣнъ идей, совершающійся благодаря ускореннымъ средствамъ сообщенія, позволяетъ арабамъ безпрепятственно сравнивать оттоманскій произволъ съ правопорядкомъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Подготовленное такимъ образомъ возстаніе стремится создать независимое арабское государство, обнимающее Сирію, Палестину и Аравію.

Инсургентамъ, вѣроятно, не удастся осуществить своихъ замысловъ. Несомнѣнно, однако, что Турція, предоставленная собственнымъ силамъ, не сможетъ сломить сопротивленія нѣкоторыхъ арабскихъ провинцій. Онѣ отпадутъ отъ имперіи и попытаются образовать автономныя небольшія государства.

Англія, по мнѣнію Жервэ-Куртельмона, только выиграетъ отъ такого исхода возстанія. Она съ удовольствіемъ приметъ на себя миссію водворить порядокъ въ священныхъ городахъ ислама. Ей будетъ тѣмъ легче сдѣлать это, что среди жителей Мекки она найдетъ огромное число индійскихъ выходцевъ. Уже въ 1894 г. на сто тысячъ жителей Мекки насчитывалось болѣе двухъ третей индусовъ. Египетскій, т. е. въ сущности англійскій протекторатъ надъ священными городами магометанъ обѣщаетъ Великобританіи немаловажныя выгоды. Заинтересованнымъ державамъ не мѣшаетъ помнить, что планъ такого именно протектората обсуждается нынѣ арабскими шейхами, Геджаса и лордомъ Кромеромъ.

Германія, по всей вѣроятности, усмотритъ въ покровительствѣ, оказываемомъ англичанами арабскимъ инсургентамъ, прямое покушеніе на свои интересы въ Малой Азіи.

Сооружаемая нѣмцами желѣзная дорога, которая должна соединить Константинополь съ Персидскимъ заливомъ, несомнѣнно превратится въ міровой путь, ведущій изъ центральной Европы къ Дальнему Востоку. Англичане, очевидно, постараются исчерпать всѣ средства, чтобы воспрепятствовать осуществленію этого замысла, подобно тому какъ они всячески старались противодѣйствовать прорытію Суэцкаго канала.

Англичане, во-первыхъ, постарались заблаговременно завладѣть единственнымъ конечнымъ пунктомъ, годнымъ для сооружаемой дороги. Затѣмъ они, параллельно воздѣйствію Россіи, приложили всѣ усилія, чтобы разстроить соглашеніе французскихъ и германскихъ капиталистовъ, намѣревавшихся совмѣстно эксплуатировать малоазіатскую желѣзную дорогу.

Жервэ-Куртельмонъ высказываетъ живѣйшее сожалѣніе, что французы у к л о н и л и с ь о т ъ с о ю з а с ъ Г е р м а н і е й въ Малой Азіи и Месопотаміи, „гдѣ Франція насчитываетъ 750,000 католиковъ, состоящихъ подъ ея протекторатомъ и почти сплошь говорящихъ по-французски".

Англичане, съ послѣдовательностью, присущею всей ихъ внѣшней политикѣ, содѣйствуютъ образованію ряда независимыхъ арабскихъ государствъ, владѣнія которыхъ будутъ прилегать къ полотну германской желѣзной дороги отъ Бассоры до Моссула, или еще выше.

Кромѣ этой, весьма неприглядной для строителей дороги перспективы, англичане расчитываютъ ослабить и ихъ нынѣшняго союзника, Оттоманскую Порту.

Если надежды арабскихъ повстанцевъ осуществятся, хотя бы въ небольшой своей части, Турція будетъ надолго поставлена въ крайне затруднительное положеніе. Ей не удастся тогда поддержать германскія происки въ Малой Азіи.

Жервэ-Куртельмонъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ исправить допущенную французской политикой ошибку весьма страннымъ средствомъ. По его мнѣнію, французамъ слѣдуетъ присоединиться къ Англіи, если понадобится „возстановлять порядокъ" въ Меккѣ. Къ присланнымъ изъ Индіи магометанскимъ войскамъ надо пріобщить также мусульманскія войска изъ французскаго Алжира. „Христіанскихъ войскъ, — предусмотрительно добавляетъ французскій политикъ,—мусульманство не потерпитъ въ священныхъ городахъ ислама".

Весь вопросъ, съ откровенностью, доходящей до цинизма, сводится къ извлеченію наибольшей выгоды изъ замѣшательствъ, возбужденныхъ турецкими насиліями въ Геджасѣ. Цитируемый авторъ заявляетъ, нисколько не смущаясь: „Неужели мы предоставимъ Англіи дѣйствовать одной? Не будемъ ждать послѣдняго часа, чтобы установить рискъ и выгоды предстоящаго образа дѣйствій, и, въ особенности, постараемся всесторонне освѣтить важный вопросъ пробужденія арабовъ въ Азіи".

Европейскимъ державамъ „восточный вопросъ" представлялся донынѣ неразрѣшимымъ, въ виду невозможности полюбовно раздѣлить наслѣдіе историческаго „больного человѣка". Существованіе Оттоманской имперіи поддерживалось искусственно, посредствомъ подавленія общими силами заинтересованныхъ державъ частичныхъ возстаній небольшихъ, сравнительно, народностей.

Въ настоящее время освободительное стремленіе охватило неудержимой волной всю массу арабскихъ народовъ. Турція не въ силахъ противопоставить имъ достаточной вооруженной силы; у Россіи руки связаны японской войной и внутренними неурядицами.

Слѣдовательно, Англія и Германія остаются единственными державами, имѣющими возожность оказать воздѣйствіе на обстоятельства, угрожающія Турціи полнымъ распадомъ.

Карьера Бернадотта.

Норвежскій народъ, расторгнувъ унію со Швеціей, проявилъ политическій тактъ и умѣренность, достойные великаго историческаго момента. Несмотря на то, что, по свидѣтельству Бьернстерна-Бьернсона, большинство норвежцевъ принадлежитъ къ числу сторонниковъ республиканскаго правленія, стортингъ предложилъ корону Норвегіи шведскому принцу Карлу, третьему сыну короля Оскара.

Предложеніе это было вызвано двоякаго рода соображеніями... Норвежцы желаютъ, во-первыхъ, отмѣтить, что расторженіе уніи со Швеціей вызвано вовсе не чувствомъ раздраженія противъ особы короля Оскара; во-вторыхъ, они принимаютъ въ соображеніе будущія судьбы Скандинавскаго полуострова: близкое родство будущей норвежской династіи со шведскимъ королевскимъ домомъ отразится весьма выгодно на отношеніяхъ обоихъ независимыхъ скандинавскихъ народовъ, придавъ имъ характеръ добровольнаго союза двухъ равноправныхъ и независимыхъ народовъ.

Такимъ образомъ, династіи Бернадотта открывается еще болѣе блестящая будущность: вмѣсто одного королевскаго престола, она получитъ два,—если, конечно, король Оскаръ сумѣетъ подавить въ себѣ, ради блага династіи и обоихъ народовъ, чувство личнаго недовольства.

Основатель царствующей въ Швеціи династіи, французскій маршалъ Жанъ-Батистъ Бернадоттъ, получилъ отъ Наполеона I-го титулъ князя Понте-Корво. Бездѣтный состарившійся король Швеціи Карлъ XIII, къ изумленію всей Европы, согласился усыновить этого баловня фортуны, — и Бернадоттъ сдѣлался шведскимъ кронпринцемъ.

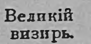
Въ тѣ легендарныя времена права народовъ попирались самымъ беззастѣнчивымъ и грубымъ образомъ. Наполеонъ создавалъ новыя королевства или дарилъ старыя,—точно бриллiантовыя булавки или золотыя табакерки. Но всѣ созданія его буйнаго произвола оказались недолговѣчными.

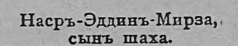
Подавленные насиліемъ народы апеллировали къ исторіи, — и она отмѣнила „со всѣми послѣдствіями" режимъ, навязанный Наполеономъ.

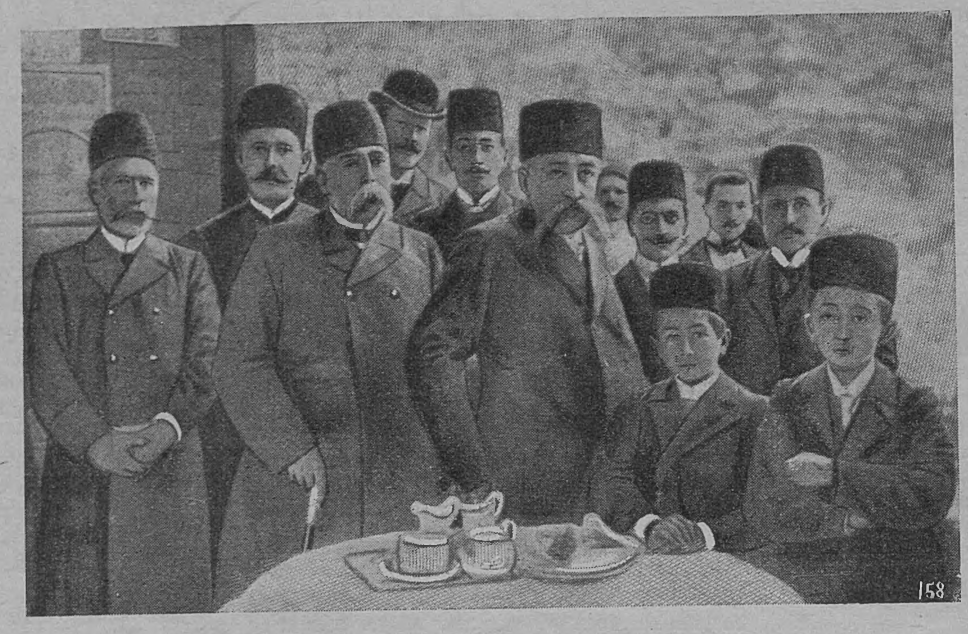
Только Бернадотту и его потомкамъ удалось удержаться на высотѣ, на которую вознесла ихъ смѣлая прихоть счастія.

Возвышеніемъ своимъ французскій маршалъ былъ обязанъ, впрочемъ, не столько самому Наполеону, сколько невѣдомому, скромному поручику шведской службы, по фамиліи Мернеру. Этотъ офицеръ питалъ пристрастіе къ политикѣ и государственному праву.

Однажды, сидя съ товарищами въ офицерскомъ собраніи, Мернеръ заговорилъ о бѣдствіяхъ Швеціи и о томъ, что онъ знаетъ человѣка, который могъ бы вывести страну изъ этого положенія.


Великій визирь.


Насръ-Эддинъ-Мирза, сынъ шаха.



Шахъ Музафферъ-Эддинъ. Гуссейнъ-Али-Мирза, внукъ шаха.

Къ путешествію персидскаго шаха по Европѣ.

Съ фотографіи, снятой въ Амбергѣ, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".



Русско-японская война. — Религіозный обрядъ въ честь павшихъ японскихъ офицеровъ въ Сасебо.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

„Терекъ". „Иртышъ". „Анадырь". „Кубань".

„Донъ". „Ріонъ". „Днѣпръ". „Уралъ".

Остатки русскаго флота. — Вспомогательные крейсера, вновь пріобрѣтенные Русскимъ правительствомъ и перечисленные изъ состава „Добровольнаго флота".

Въ тѣ отдаленныя времена еще вѣрили въ избранниковъ фортуны, въ „героевъ своего времени", будто бы направляющихъ неизбѣжныя историческія событія.

Положеніе Швеціи тогда, дѣйствительно, представлялось довольно плачевнымъ. Старая династія Ваза завершилась полнымъ вырожденіемъ.

Густавъ III былъ убитъ на костюмированномъ балу шведскими аристократами, привилегіи которыхъ онъ пытался ограничить. Сынъ его, Густавъ IV, былъ низложенъ съ престола, такъ какъ оказался совершенно неспособнымъ завѣдывать государственными дѣлами.

Братъ убитаго Густава III, герцогъ зедерманландскій, завладѣлъ шведскимъ престоломъ, хотя также не проявилъ сколько-нибудь выдающихся способностей. Карлъ XIII не имѣлъ дѣтей; государственные штаты въ 1809 г. избрали наслѣдникомъ престола датскаго принца Христіана-Августа Гольштейнъ-Аугустенбургскаго.

Любимый горожанами и крестьянствомъ, кронпринцъ возбудилъ недовольство среди аристократовъ. Не далѣе, какъ въ маѣ 1810 г., принцъ скончался,—по общему мнѣнію, отъ отравы. Народъ счелъ виновниками преждевременной кончины злополучнаго принца графа Ферзена и его сестру, графиню Пиперъ. Графа Ферзена, во время похоронъ Христіана-Августа, народъ предалъ мучительной смерти, а дворецъ графини Пиперъ былъ снесенъ до основанія.

Вскорѣ послѣ этого событія поручикъ Мернеръ сталъ говорить что слѣдуетъ избрать кронпринцемъ маршала Бернадотта.

Нѣкоторые изъ офицеровъ согласились, что маршалъ обладаетъ энергіей, необходимой для успокоенія страны, разоряемой аристократами.

Бернадоттъ былъ сыномъ бѣднаго адвоката; онъ родился въ По, въ южной Франціи. Ему не было и сорока лѣтъ, когда онъ достигъ званія маршала и былъ возведенъ въ княжеское достоинство. Счастливое стеченіе обстоятельствъ привело его, во главѣ французскихъ войскъ, въ сѣверную Германію и въ Данію. Здѣсь ему привелось столкнуться со шведскими аристократами и сойтись съ нѣкоторыми изъ нихъ. Послѣднимъ льстило знакомство съ родственникомъ Наполеона: Бернадоттъ былъ женатъ на Дезирэ Флери и приходился свойякомъ Жозефу, брату всемогущаго корсиканца.

Когда молодому шведскому офицеру пришла въ голову парадоксальная мысль возвести Бернадотта на скандинавскій престолъ, онъ только что получилъ небольшое наслѣдство. Деньги эти Мернеръ употребилъ на поѣздку въ Парижъ. Шведскій посланникъ



Русско-японская война. — Празднество въ Токіо по случаю побѣды.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

при французскомъ дворѣ приходился Мернеру дальнимъ родственникомъ.

Узнавъ отъ Мернера, зачѣмъ тотъ пріѣхалъ, осторожный дипломатъ посовѣтовалъ молодому авантюристу не вмѣшиваться въ вопросы высшей политики. Но предпріимчивый поручикъ не смутился. Онъ приложилъ всѣ усилія, чтобы втереться въ среду лицъ, приближенныхъ къ Бернадотту и даже къ самому Наполеону.

Адъютантъ маршала Бернадотта соблазнился заманчивой перспективой—возвыситься вмѣстѣ съ будущимъ королемъ Швеціи. Онъ свелъ Мернера съ довѣреннымъ секретаремъ французскаго императора, который въ это время уже и самъ былъ не прочь избавиться отъ соперничества красиваго и удачливаго маршала. Кромѣ того, Наполеонъ надѣялся, что Бернадоттъ, завладѣвъ шведскимъ трономъ, будетъ помогать ему въ борьбѣ съ Англіей.

Маршалъ, въ свою очередь, предвидѣлъ, что звѣзда Наполеона близится къ закату; онъ обрадовался возможности занять совершенно независимое положеніе.

Недаромъ говорилъ Наполеонъ, что все рѣшается стеченіемъ обстоятельствъ („ce sont les circonstances qui dècident tout"). Обстоятельства благопріятствовали эксцентрическому плану Мернера.

Вопросъ рѣшили вліятельные шведскіе аристократы, предполагавшіе, что иностранецъ, случайно проникшій въ знать, не отважится посягнуть на привилегіи сословія, способствовавшаго его избранію кронпринцемъ. Карлъ XIII весьма неохотно усыновилъ французскаго маршала и еще неохотнѣе принялъ въ свою семью жену Бернадотта, дочь купца изъ Марселя.

По смерти Карла XIII, Бернадоттъ вступилъ на шведскій престолъ подъ именемъ Карла XIV.

Не обладая, подобно большинству французовъ, способностью къ усвоенію иностранныхъ языковъ, Бернадоттъ такъ и не научился до конца жизни говорить по-шведски. Это не помѣшало ему править шведскимъ королевствомъ—при помощи преданной аристократіи, вліяніе которой донынѣ является главнымъ тормозомъ поступательному движенію среди шведскаго народа.

Маршалъ Бернадоттъ не оказался неблагодарнымъ и по отношенію къ авантюристу, столь ловко устроившему ему сказочно-блестящую карьеру. Поручикъ Мернеръ былъ возведенъ въ графское достоинство и занялъ видное положеніе при шведскомъ дворѣ.



Юбилей перваго народнаго университета.

Состоявшійся въ истекшемъ году полувѣковой юбилей перваго народнаго университета прошелъ почти незамѣченнымъ на европейскомъ континентѣ.

Въ Лондонѣ событіе это также не обратило на себя особеннаго вниманія. На торжествѣ закладки новаго зданія народнаго университета присутствовали наслѣдный принцъ и его супруга; принцъ Уэльскій произнесъ соотвѣтствующую обстоятельствамъ краткую рѣчь, въ которой упомянулъ о заслугахъ основателя замѣчательнаго просвѣтительнаго учрежденія.

Англійскія газеты отмѣтили событіе въ своей хроникѣ. Тѣмъ и ограничилось все торжество; лишь нѣсколько недѣль тому назадъ вышло обстоятельное описаніе 50-тилѣтней дѣятельности перваго народнаго университета, подъ скромнымъ заглавіемъ „The Working Men's College 1854—1904. Records of its History and its Work for Fifty Yearn, by Members of the College".

Основатель перваго народнаго университета, Фредерикъ Денисонъ Морисъ, вышелъ изъ среды священниковъ англиканской церкви. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей англійскаго духовенства, возставшаго противъ косности и формализма церковной епархіи. Проникнувшись идеалами равенства и братства первыхъ общинъ христіанства, Морисъ посвятилъ всю свою жизнь служенію на пользу народа. Онъ былъ первымъ инiціаторомъ христіанско-соціальнаго движенія, стремившагося согласовать запросы современной общественной жизни съ нравственными требованіями евангельскаго ученія.

Юбилей лондонскаго народнаго университета пріуроченъ къ основанію его, подъ названіемъ „Working Men's College", въ 1354 г. Дѣйствительное начало этого учрежденія относится, однако, къ 1848 г., къ эпохѣ революціоннаго броженія во всей Европѣ. Морисъ открылъ тогда въ Little Ormond Iard'ѣ небольшую вечернюю школу. Въ теченіе почти шести лѣтъ несъ онъ на своихъ плечахъ трудную просвѣтительную работу, вращаясь среди отбросовъ лондонскаго населенія. Общеніе съ ними нисколько не ослабило его рвенія. Когда явилась возможность расширить планъ народной школы, Морисъ поставилъ руководящимъ правиломъ для своихъ сотрудниковъ: „бѣдный или богатый, невѣжественный или образованный, каждый человѣкъ долженъ быть признаваемъ вами только за человѣка; здѣсь всѣ мы—лишь дѣти нашего общаго Небеснаго Отца".

Люди, которые помогли Морису осуществить его мечту объ университетѣ для рабочихъ, принадлежали къ высшей интеллигенціи тогдашней Англіи. Почти всѣ они прославились и заняли впослѣдствіи видное положеніе. Чтобы дать понятіе о томъ, какими силами располагалъ Морисъ, достаточно будетъ назвать Рескина, Россети, Бернъ-Джонса, стоявшихъ во главѣ группы художниковъ-прерафаэлитовъ,—извѣстнаго филолога Тренча, занявшаго потомъ постъ дублинскаго архіепископа, — маркиза Ринона, Томаса Гюга, Чарльза Кинглея, д-ра Фернвеля, основателя шекспировскаго общества и пр.

Между профессорами народнаго университета и ихъ скромными слушателями сразу установились тѣсныя дружественныя отношенія.

Такъ, напримѣръ, одинъ молодой 23-хъ лѣтній человѣкъ, Джонъ Ребокъ, средствъ котораго едва хватало на содержаніе жены и ребенка, прочелъ въ объявленіяхъ, что нѣкоторые выдающіеся ученые предлагаютъ слушать всѣмъ желающимъ университетскія лекціи за весьма скромную плату. Ребоку очень хотѣлось подучиться грамматикѣ родного языка и, вообще, пріумножить свои весьма скудныя научныя познанія. У него не было лишнихъ денегъ на пріобрѣтеніе книгъ; кромѣ того, онъ не рѣшался покупать ихъ, не имѣя увѣренности, что пріобрѣтетъ нѣчто полезное. Онъ обрадовался извѣстію, что магистръ кембрижскаго университета Фредерикъ Фернвель открываетъ курсъ англійскаго языка. Вступивъ однимъ изъ первыхъ въ число студентовъ вольнаго университета, Ребокъ на первой же лекціи столкнулся съ десяткомъ такихъ же слушателей, изъ которыхъ часть была старше него. Всѣ они дичились другъ друга и чувствовали себя крайне смущенными непривычною обстановкой аудиторіи. Однако, послѣ первой же лекціи объ англійской грамматикѣ, всякое напряженіе исчезло. Своеобразные студенты необычайнаго университета объединились въ чувствѣ уваженія къ снисходительному профессору. Прослушавъ нѣсколько лекцій, они тѣсно сблизились между собою. Лекторъ поощрялъ ихъ товарищескія отношенія; по почину Фернвеля, они устроили студенческую вечеринку, причемъ угощеніе ограничилось чаемъ и печеньями.

На этомъ сближеніе учащихъ и учащихся не остановилось. Профессора стали устраивать, совмѣстно со студентами, пикники и образовательныя экскурсіи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ идеальная задача Мориса—достигнуть дружественнаго сближенія между интеллигенціей и трудящимися — была разрѣшена самымъ блестящимъ и убѣдительнымъ образомъ. Этимъ же стремленіемъ Мориса — соединить образовательное воздѣйствіе съ воспитательнымъ—объясняется и названіе, данное имъ народному университету. Въ основу его положена тѣсная коллегіальность, сотоварищество, уравнивающее учащихъ и учащихся, къ обоюдной нравственной выгодѣ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Фернвель, подобно другимъ профессорамъ народнаго университета, охотно приглашалъ къ себѣ своихъ простонародныхъ слушателей.

Посѣщенія эти производили глубокое впечатлѣніе на непосредственныя натуры. Лѣтъ тридцать спустя послѣ открытія первыхъ курсовъ англійскаго языка въ лондонскомъ народномъ университетѣ, Фернвелю пришлось встрѣтиться въ предмѣстьѣ Кемпдоунъ съ однимъ изъ бывшихъ своихъ слушателей.

Послѣдній, по профессіи литографъ, сообщилъ профессору, что дѣла его идутъ недурно.

— Знаете ли, докторъ, какъ я добился благосостоянія? — сказалъ, между прочимъ, литографъ.—Вы пригласили меня и нѣкоторыхъ товарищей моихъ къ чаю. Я первый разъ въ жизни увидѣлъ обстановку, въ которой живутъ образованные люди. Полюбовавшись на картины, книги, мебель, я рѣшилъ: буду отказывать себѣ во всѣхъ излишествахъ—и устрою себѣ такую же комнату!

— Ну, и что жъ? Осуществили вы свое желаніе?—спросилъ Фернвель.

— Моя обстановка теперь лучше вашей,—отвѣтилъ съ гордостью литографъ.

Джонъ Рескинъ училъ рисованію, притомъ, на низшихъ курсахъ. Онъ поражалъ своею терпѣливостью и ласковымъ обращеніемъ. Однако, и такой учитель не могъ удовлетворить всѣхъ. Однажды вечеромъ въ классъ явился новый ученикъ. Рескинъ поздоровался съ нимъ. Ученикъ, вмѣсто привѣтствія, дѣловито спросилъ:

— Можете вы научить меня рисовать экипажныя колеса?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Рескинъ,—я не обучаю спеціальному и, вообще, техническому черченію. Я учу рисовать вообще. Если вы будете моимъ ученикомъ, вы можете научиться рисовать все, что вамъ заблагоразсудится.

— Это не интересуетъ меня; я вовсе не хочу сдѣлаться рисовальщикомъ. Я каретникъ. Если вы можете выучить меня рисовать колеса, я поступлю къ вамъ въ ученики. Ничего другого мнѣ не нужно.

Никакіе доводы Рескина не были приняты во вниманіе. Строптивый каретникъ такъ-таки ушелъ, утверждая, что согласенъ рисовать одни экипажныя колеса.

Гордостью лондонскаго народнаго университета былъ Джорджъ Тэнли, поступившій въ число студентовъ необразованнымъ ремесленникомъ. Онъ удостоился всѣхъ отличій, которыя можно получить въ университетѣ Мориса, и, наконецъ, самъ избранъ былъ профессо-

ромъ. До самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1902 г. Тэнли неутомимо трудился на своемъ пост , посвящая сотни студентовъ изъ народа въ тайны высшей математики. Замѣчательнѣе всего, что какъ самъ Тэпли, такъ и сыновья его, не прекратили занятій ручнымъ трудомъ; дочери его вышли замужъ за слушателей математическихъ курсовъ.

Данныя, приводимыя составителями юбилейнаго очерка о полувѣковой дѣятельности лондонскаго народнаго университета, производятъ на русскаго читателя впечатлѣніе выдуманной сказки. Наша дѣйствительность такъ далека отъ подобныхъ начинаній! У насъ еще не зародился типъ такого рода свободныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, а на „гниломъ" Западѣ они уже справляютъ полувѣковые юбилеи. Правда, у насъ также нѣтъ недостатка въ поводахъ къ празднованію юбилеевъ, понадобилось даже установить юбилейные сроки, чтобы умѣрить пылъ кандидатовъ въ „маститые". Но поводы къ празднованію у насъ—совсѣмъ иные.

А между тѣмъ, какъ легко было бы и у насъ примѣнить геніальную идею Мориса! Въ талантливыхъ и знающихъ лекторахъ не оказалось бы недостатка; нашлись бы и слушатели, и средства для организаціи народныхъ университетовъ. Если бы городскимъ и земскимъ самоуправленіямъ было предоставлено право открывать подобные курсы явочнымъ порядкомъ, вся Россія въ скоромъ времени покрылась бы обширною и густою сѣтью народныхъ университетовъ. Это было бы сдѣлать тѣмъ легче, что, на первое время, для вечернихъ лекцій не понадобилось бы особыхъ зданій. Для нихъ всегда нашелся бы пріютъ въ какомъ-либо изъ общественныхъ учрежденій, занятыхъ лишь дневною работою.

Если народному представительству суждено когда-нибудь приступить къ разрѣшенію основного вопроса о народномъ просвѣщеніи, оно не замедлитъ использовать испытанныя иностранными государствами преимущества вольныхъ народныхъ университетовъ.

Каэль.



Дѣтскіе питомники.

Французскіе государственные дѣятели весьма озабочены тѣмъ, что населеніе Франціи не увеличивается. Съ французской националистической точки зрѣнія, фактъ этотъ является весьма прискорбнымъ, такъ какъ въ корнѣ подрываетъ мечты о „реваншѣ" и какихъ-либо новыхъ завоеваніяхъ. Высокое благосостояніе народа не возмѣщаетъ, въ глазахъ сторонниковъ воинственныхъ авантюръ, утраты рѣшающаго вліянія въ международной политикѣ.

„Франція низведена на уровень второстепенной державы",—скорбятъ задорные публицисты, забывающіе, что счастливыя націи „не имѣютъ исторіи". Въ то время, какъ населеніе республики остается неизмѣннымъ, число жителей во всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствахъ непрерывно повышается, Недалеко уже то время, когда перевѣсъ въ населенности устранитъ всякую мысль о возможности разгрома Германіи воинственными французами.

Съ этой точки зрѣнія, всякая попытка увеличить приростъ населенія Франціи,—хотя бы, въ случаѣ успѣха, возникъ земельный голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями,—считается французскими шовинистами дѣломъ истинно патріотическимъ. Донынѣ, однако, ни одинъ изъ предложенныхъ въ печати проектовъ не оказался осуществимымъ. Большую сенсацію произвелъ французскій гигіенистъ, докторъ Бюдэнъ, попытавшійся разрѣшить трудную проблему съ точки зрѣнія не узко-національной политики, а въ интересахъ человѣколюбія.

Прямымъ путемъ увеличить приростъ населенія во Франціи, — разсуждаетъ докторъ Бюдэнъ,—невозможно. Надо, очевидно, подойти къ задачѣ съ совсѣмъ иной стороны,—надо постараться оградить тотъ естественный приростъ, который уже существуетъ. Во Франціи ежегодно умираетъ 150,000 грудныхъ дѣтей. Еслибы удалось оберечь отъ гибели хотя бы половину этихъ несчастныхъ, задача была бы разрѣшена вполнѣ успѣшно. Ежегодно приростъ населенія возродилъ бы надежды на возможность въ будущемъ снова „дѣлать исторію", безнаказанно отдавая Молоху войну хотя бы тѣ самыя жизни, которыя были спасены отъ гибели въ младенческомъ возрастѣ.

Соображенія эти поразили воображеніе французскихъ шовинистовъ. Подъ вліяніемъ ихъ, уже образовалось въ Парижѣ вліятельное женское общество, поставившее себѣ цѣлью покрыть всю Францію сѣтью пріютовъ для грудныхъ дѣтей. При помощи этого учрежденія, значительное число дѣтей, которыя не выжили бы по слабости своей организаціи, при обычныхъ условіяхъ,—будетъ ежегодно пополнять статистическія таблицы. Велика-ли будетъ жизнеспособность вскормленниковъ гакихъ пріютовъ и не окажутъ-ли они вліянія, на вырожденіе всего народа, — вопросъ остается открытымъ.

Первый изъ пріютовъ новаго французскаго патріотическаго общества, подъ названіемъ, „La Pouponniere", уже открытъ около Парижа, въ поселкѣ Porche-Fontaine. Каждая бѣдная здоровая мать, кормящая грудью своего ребенка, можетъ пользоваться въ пріютѣ полнымъ содержаніемъ въ теченіе цѣлаго года, если согласится вскармливать, кромѣ собственнаго, еще одного чужого ребенка.

Извѣстный французскій романистъ Марсель Прево сообщаетъ въ газетѣ „Figaro", что парижскія дамы согласились обложить налогомъ въ пользу пріюта свои туалеты. Пожертвованіе не очень велико—всего одинъ процентъ съ той суммы, которую каждая дама тратитъ на пріукрашеніе своей особы; тѣмъ не менѣе, въ общемъ итогѣ патріотическій налогъ дастъ въ одномъ Парижѣ ежегодно около полумилліона франковъ. По вычисленію какого-то досужаго статистика, парижанки расходуютъ ежегодно на свои тряпки не менѣе 50 милліоновъ франковъ. Если примѣру парижанокъ послѣдуютъ модницы и франтихи всей Франціи, обложеніе въ пользу „дѣтскихъ питомниковъ" дастъ нѣсколько милліоновъ франковъ. На эти средства можно будетъ вскормить до пятидесяти тысячъ искуственныхъ близнецовъ.

Французскій романистъ прельщаетъ своихъ читательницъ необычайною легкостью, съ которою можетъ быть достигнутъ этотъ результатъ. Къ сожалѣнію, серьезныя государственныя задачи не разрѣшаются такъ просто. Если французскія женщины согласны пожертвовать на усиленіе своего народа не болѣе одной сотой части тѣхъ шальныхъ денегъ, которыя онѣ расточаютъ на свои наряды, патріотизмъ ихъ, очевидно, весьма невысокаго калибра. Онѣ могли бы достигнуть естественнаго прироста населенія во Франціи несравненно болѣе существеннымъ образомъ, если бы внушили подростающимъ поколѣніямъ что истинными разсадниками здоровыхъ и сильныхъ гражданъ должны быть не „питомники", а ихъ же собственныя семьи.

В. Р.



Американскіе браки.

Въ Америкѣ относятся къ обязательствамъ, налагаемымъ бракомъ, легкомысленнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ міра. Нигдѣ не повторяются такъ часто случаи повторной женитьбы при живой женѣ, какъ среди предпріимчивыхъ янки. Нерѣдки и случаи третьяго брака при двухъ не разведенныхъ женахъ.

Американская молодежь крайне неосмотрительна при заключеніи браковъ.

Это обстоятельство является одною изъ главнѣйшихъ причинъ бигаміи. Зачастую брачущіеся „и жить торопятся, и чувствовать спѣшатъ", женятся и выходятъ замужъ, не выйдя еще изъ юношескаго возраста. Пятнадцатилѣтнія американки нерѣдко подыскиваютъ себѣ мужей столь же не зрѣлаго возраста.

Во многихъ штатахъ Сѣверной Америки законъ разрѣшаетъ дѣвушкамъ выходить замужъ съ тринадцати лѣтъ; жениться можно соотечественникамъ Рузвельта уже съ пятнадцати лѣтъ. Четырнадцатилѣтній сынъ одного американскаго милліонера похитилъ недавно свою ровесницу, посадилъ „предметъ своей страсти" на отцовскій автомобиль и прикатилъ вмѣстѣ съ нею къ мѣстному судьѣ, съ цѣлью немедленно окрутить себя гражданскимъ бракомъ.

Судья оказался, къ счастью, хорошимъ знакомымъ отца и отослалъ юнаго американскаго Ромео домой, къ его школьнымъ тетрадкамъ, Такой исходъ сватовства—чистая случайность; многіе судьи сочли бы возможнымъ совершить столь нелѣпое бракосочетаніе.

Столь же легко относится и духовенство къ заключенію браковъ.

Многіе священники удовлетворяются свидѣтельствомъ какой-либо женщины.— хотя бы матери невѣсты, что послѣдняя достигла узаконеннаго возраста. При такомъ отношеніи къ вопросу о возрастѣ брачущихся, конечно, возможны всякія злоупотребленія. Когда американскимъ священникамъ пеняютъ на ихъ сговорчивость, они обыкновенно выражаютъ: „если я откажусь, обвѣнчаетъ кто-нибудь другой".

Ко всякаго рода странностямъ въ этой области американскихъ правоотношеній принадлежатъ также необычайная пестрота и разнорѣчивость законовъ о разводѣ во различныхъ штатахъ. Супружеская чета, считающаяся разведенною въ одномъ штатѣ, въ другомъ—можетъ быть осуждена за двоеженство, если вступитъ въ новые браки.

Несправедливость подобныхъ приговоровъ обратила на себя, наконецъ, вниманія общественнаго мнѣнія. Возникло серьезное движеніе въ пользу объединенія мѣстныхъ законодательствъ о разводѣ въ одинъ обязательный для всей республики кодексъ

Двоеженство сплошь и рядомъ возникаетъ по невѣдѣнію, расторгнутъ - ли первый бракъ, или все еще остается въ силѣ.

Нѣкая Анна Фи шеръ, напримѣръ, дважды выйдя замужъ, оказалась, въ результатѣ безъ мужа. Когда ей исполнилось 19 лѣтъ, она жила совершенно благополучно въ домѣ № 2, какъ вдругъ жилецъ № 1 заставилъ ее арестовать. Оказалось что она вышла замужъ пятнадцати лѣтъ, но два года спустя бросила своего перваго мужа.

Уходя, она оставила на столѣ записку: „Ты обманулъ меня. Я не хочу больше видѣться съ тобою".

Затѣмъ, она спокойно обвѣнчалась съ другимъ, который послѣ ея арестованія, въ свою очередь, бросилъ ее.

Немало шума надѣлалъ также процессъ Мемми Рейцъ, мужъ которой привлекъ къ суду нѣкоего Гиршлера, обвиняя его

въ покушенiи на нравственность своей жены. Каково же было изумленiе и самого супруга и суда, когда обнаружилось, что подсудимый Гиршлеръ — первый законный мужъ Мемми. Двумужница была оправдана, такъ какъ судебное слѣдствiе раскрыло потрясающую картину совращенiя малолѣтней Мемми, вышедшей замужъ не имѣя представленiя, къ чему обязываетъ ее этотъ актъ.

Скандальные нравы американцевъ еще ярче обнаружились въ бракоразводномъ процессѣ Мери Кроутеръ.

Тридцати пяти лѣтъ отъ роду, она обратилась къ верховной судебной инстанцiи съ просьбою развести ее съ 60-лѣтнимъ, седьмымъ по счету мужемъ. Въ первый разъ вышла она замужъ всего четырнадцати лѣтъ. Четыре года спустя она обвѣнчалась вторично. Послѣдующiя браки были заключены 21-го 23-хъ 24-хъ 27-ми и 32-хъ лѣтъ. Случай столь упорной послѣдовательной полигамiи показался удивительнымъ даже въ классической странѣ неограниченной свободы разводовъ. Недаромъ именно въ Америкѣ возникла и продолжаетъ процвѣтать секта многоженцевъ—мормоновъ.

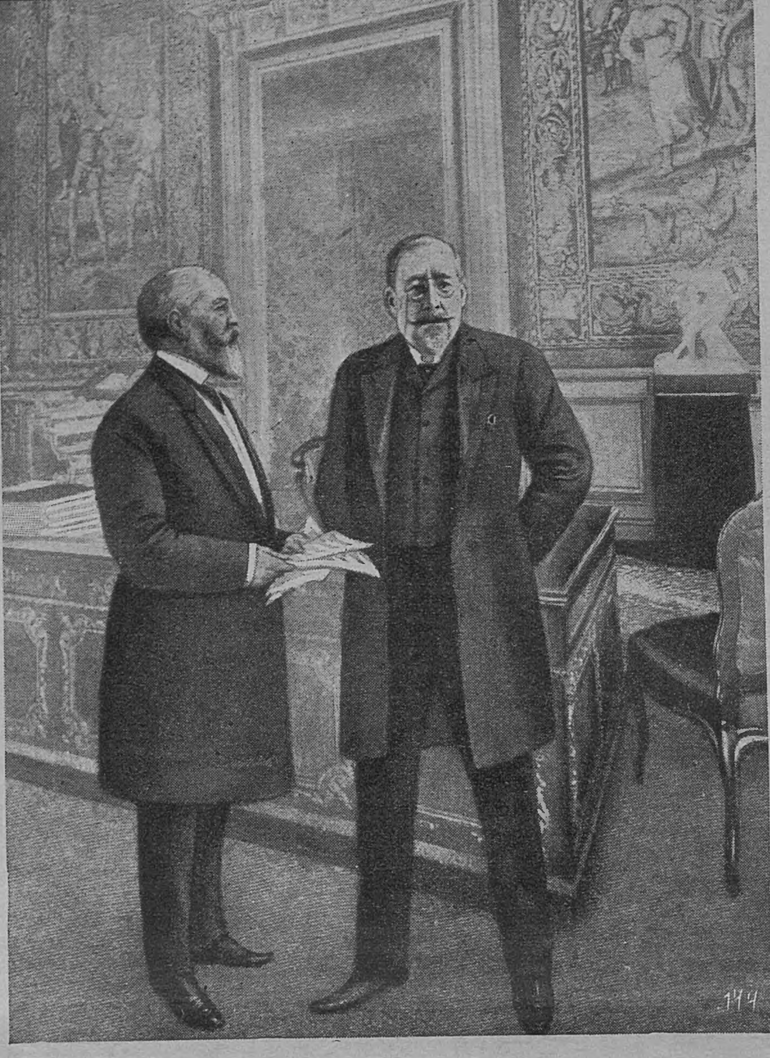
Процессы мужчинъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности за многоженство, представляютъ еще болѣе частое явленiе, чѣмъ скандальные процессы двумужницъ. Весьма характеренъ для обрисовки американскихъ нравовъ процессъ зубного врача Оскара Кентора. Онъ ухитрился обручиться съ двумя сестрами, но не женился ни на одной изъ нихъ. Миссъ Фанни Гейманъ, снисходя къ его ухаживанiямъ, дала ему въ долгъ 240 долларовъ; въ настоящее время, въ видѣ утѣшенiя за обманутыя матримонiальные надежды, она взыскиваетъ съ него 10,000 долларовъ.

Когда занятые деньги были израсходованы, Кенторъ сталъ ухаживать за сестрой своей бывшей невѣсты, Татти Гейманъ, которая также дала ему взаймы 185 долларовъ, на продолженiе занятiй. Фанни примирилась съ измѣною, такъ какъ „женихъ“ оставался всетаки „въ семействѣ“. Когда же онъ обручился съ третьею, чужою дѣвушкою, обѣ сестры почувствовали себя столь уязвленными, что начали процессъ, взыскивая не только капиталъ, но и проценты на проценты.

Лѣтопись брачныхъ столкновенiй въ Америкѣ могла бы дать обильный матерiалъ для новаго Боккачiо, если бы онъ задумалъ написать заатлантическiй Декамеронъ. Нерѣдко курьезные процессы о разводѣ, вродѣ иска нѣкоего Германна, жаловавшагося суду, что жена столкнула его съ моста въ воду и хохотала во все горло вмѣстѣ со своимъ любовникомъ, когда выкупавшiйся поневолѣ супругъ вылѣзалъ на берегъ, отряхиваясь, точно вымокшiй пудель.

Другая, столь же изобрѣтательная на выдумки американская дама, не ограничиваясь сокрушенiемъ обстановки отсутствовавшаго супруга, заказала, отъ его имени, огромное количество гастрономическихъ товаровъ, для предполагавшагося будто бы званаго обѣда. Нетрудно себѣ представить негодованiе брошеннаго женою мужа, когда ему стали приносить отовсюду огромные счета за сто фунтовъ сахара, полтораста фунтовъ ростбифа и т. п. припасы, которыхъ онъ и не думалъ заказывать. Поставщики настаивали на прiемѣ товаровъ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи полицiи. Тѣмъ не менѣе, многiе изъ торговцевъ собираются взыскивать убытки судебнымъ порядкомъ.

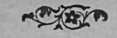
Несмотря на всѣ эти непрiятныя „мелочи супружеской жизни“, американцы не только охотно заключаютъ браки, но и создаютъ себѣ изъ повторенiя ихъ нѣчто вродѣ своеобразнаго спорта.



Князь Радолинъ. Г. Рувье.

Къ франко-прусскому конфликту.—Переговоры въ кабинетѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ г. Рувье. Германскiй посолъ, князь Радолинъ, предъявляетъ требованiя по марокскому вопросу.

Съ фотографiи корреспондента, автотипiя „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.



ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ О БУДУЩЕМЪ ПРОТЕСТАНТСТВА.

Д-ръ Берманнъ передаетъ слѣдующiя мысли императора Вильгельма о роли протестантства. „Всѣ протестанты—сказалъ императоръ—должны крѣпко сплотиться и дружно вести борьбу противъ католичества. Но нельзя при этомъ забывать, что одной организацiей протестанство не можетъ побѣдить клерикаловъ; въ этомъ отношенiи католическая церковь всегда окажется сильнѣе. Остается стало быть одинъ путь: необходимо, чтобы по дѣламъ, по плодамъ, какiе можетъ дать приложенное къ практической жизни протестантство, сторонники его познали, на чьей сторонѣ истина. И потому, окажется ли на нашей сторонѣ побѣда, мы будемъ знать, что съ нами Богъ, а когда Богъ будетъ съ нами, то мы и побѣдимъ, раньше или позже, черезъ 20 или 200 лѣтъ“.



Штабсъ-кап. 11-го пѣх. псковскаго полка П. Предтеченскiй, отличившiйся въ бою.



Подпоруч. артилл. А. Юзефовичъ, отличившiйся въ сраженiи.



Вольно-опредѣл. 51-го черниг. драг. полка С. Киндяковъ, скон. отъ ранъ, получ. при набѣгѣ на Инкоу.



Поруч. 8-го стрѣлк. полка Б. В. Савицкiй, остался на полѣ сраженiя подъ Мукденомъ.



Подпор. 36-го вост.-сиб. стр. полка А. Т. Воронинъ, раненъ при Сандепу.



Штабсъ-капит. 24-го вост.-сиб. стр. полка Т. А. Левицкiй, раненъ въ грудь навылетъ.

Типографiя „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом.“ С. М. Пропперъ.